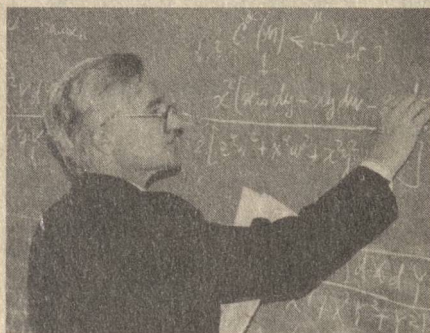

[illegible]

Автор, доцент кафедры высшей математики Виталий Анатольевич СТЕПАНЕНКО, принадлежит тому первому набору студентов, которые учились еще в красномарском филиале НГУ. Атмосфера тех лет, студенческие хохмы и преподавательские шутки, образы близких друзей и не менее близких недругов, путь одних к славе и высотам власти, а других в неизвестность или мир иной — все это находит отражение в детально—точном и одновременно непростом изложенном повествовании.

Как и положено ценным комментариям — они превзошли объем самого произведения. Читать их такое же удовольствие: насколько поэзия эпична, настолько проза — поэтична. В результате вместо одного мы получили два талантливых текста. Читайте и обращайтесь тому, что уже стало историей.

Редакция

ЦВЕТOK АМЕБ

В конце 60-х внимание биологов привлекло необычно сложное поведение микроскопического одноклеточного организма — амебы Диктиостеллум дискоидеум. Множество амоб поднимаются на поверхность почвы, образуя сплошные пятна из сотен тысяч особей. Затем пятна распадаются на движущиеся к центру структуры концентрических окружностей или спиралей. В центре образуется комок, превращающийся в подобие молодого ростка, затем — в подобие улитки, ползущей по поверхности. Наконец — в подобие цветка — тонкий стебель и округлое “плодовое тело”, в котором созревают споры, разносимые ветром после распускания. (Мозг образован коллективом клеток, каждая из которых в отдельности немногим более сложна, чем *Dictyostelium discoideum*.)

34 Силен до неуклюжести, красив,
Высок, тяжел, изящен; лет на десять
Себя двум модным темам посвятив.

- 37 Шеф в математике умел кудесить,
Прослав в быту ученым сухарем,
Старающимся все предвидеть, взвесить,
- 40 Занудливо логичным — наш ярем.
(Речения Вселенной нам понятны,
Мы — математики и с тем умрем.)
- 43 Событья, до него невероятны,—
Приезд Митягина⁶ с учеником.
Порядок представления обратный
- 46 Громоздких формул (икс, а эф — потом),
Да два определенья: идеала
И банаховой алгебры... на том
- 49 Возможность воспрятья иссякала.
Лишь Яша Визель, словно во хмелю,
(а вся аудитория молчала):
- 52 “Семейство функций, равных в зет нулю”, —
Спас честь непросвещенных краснояров.
В статистике ж, с любовью оживлю,
- 55 Его свободно понимал Ахмаров.⁷
Рос Исмагиль у Качи, без отца,—
С сестрой и мамой. От судьбы ударов
- 58 Спасала изворотливость борца.
Он с детства разбирался в каждом деле
На уровне толкового спеца:
- 61 Сшил и носил костюм; еще до теле—
Свою радиостанцию собрал;
Срубить избу, в мотор влезть, на дуде ли...
- 64 Но — математик — он во всем читал
Константу, формулу, архитектуру;
И шеф его не раз задачей звал
- 67 В свой семинар. Но он, подобно буре,
Взрывал пласты все глубже, все точнее,
Фрагментами освобождал структуру,
- 70 Увы, теории очередей.
Младому Льву навстречу шла удача —
Большеголовый юный брадобрей:
- 73 “Борис, Митягин... Знаешь, есть задача,
Давай над ней подумаем вдвоем...”
В науке так — лишь все переинача,
- 76 Переназвав, мы скрытый смысл найдем;
Да и в искусстве: если кто-то в кадре,
На острие, речь, явно, не о нем —
- 79 Речь о моей нахимовской эскадре,
Об угольях графических листов,
Об Эрзе, о монументальном Шадре
- 82 Из Шадринска... оттуда ж — Южаков!⁸
Средь интеллектуальных эгоистов
С их позой, льдом, намеками без слов,
- 85 Клинически опасных активистов,
В век комтруда, соревнований соц,
Свершений некрофилов-утопистов,
- 88 Смертельного моста “БАКЫ-ЗВАРТНОЦ”,⁹
В срок смены лет, веков, тысячелетий
Со всех икон без ложных позолотц
- 91 Проглянет он, и Отче будет третий.
(А кто второй, о том — особый сказ.)
Вдруг — дым и кровь из Грузии и Осетий,
- 94 И чуют тлен войны ноздря и глаз.
Казак с автоматами... Молдова,
Бред... Тектонический разлом сотряс
- 97 Земную твердь — от гор к морям, и снова
Грозит потопом Протоокеан.
Спасет ли нас подстрочник робкий Слова:
- 100 “О, будь благословен, Азербайджан,
Страна богов огня, ветров и солнца;
Земная кровь пульсирует из ран,
- 103 Горит, вводя в экстаз огнепоклонца.
Твоя земля — заждавшаяся мать
Безумных чад”... Чу: “Сяду в край виконца”...—
- 106 Украйна! .. Вышли ж киселя хлебать
За тыщи верст Горбенки, Василенки,
Кривоколески (друга ль не назвать?).¹⁰
- 109 Прапрадеды, прабабки. По оценке
Статистиков, хохлов в Сибири — треть,
В ЦК — Долгих, Федирки и Черненки.¹¹
- 112 (На двор наш любо было посмотреть,
Как жили в нем Перцович¹² и Федирко.
Ильич в тюрьме решился помереть,
- 115 В Кремль — Стефаныч... Система “бублик-дырка”,
Иль “сфера с ручкой” или “полый тор”.)
Эстония!.. С помпоном бескозырка,
- 118 Цветные шорты, тарахтит мотор.
Река едва течет, чуть шире Качи
(по химсоставу — родственный раствор),
- 121 Курс: Таллин — Выра — Тарту (Дерпт иначе) —
Тыравере породистых коров,
Целебных трав, обсерваторской дачи,
- 124 Оркестров в униформах, роц, прудов
С такой обильной рыбою, что если б
На конференции был Южаков —
- 127 Руками б черпал! Лев Сабинин¹³ в кресле —
С Природою, в двух видах полубог —
В любви и в шахматах... И с ним воскресли
- 130 Те дни — Новосибирский городок!¹⁴
В явь — свежие ветра, стихи, науки,
Еще упруг гагаринский виток;
- 133 Артист Баталов в дерзком кинотрюке
В ИЯФе укрощает термояд;
Лаврентьев-папа воздевает руки,
- 136 Благословляя первых фэмэшат;
Американцы, встречными пучками
Интересуясь, к Будкеру спешат;
- 139 Японцы — за полупроводниками,
Канадцы восклицают: “Ред-скин-мэн!”
В раскопках связи меж материками
- 142 Узрев; Аганбегян балансом цен,
Затрат и встречных планов озабочен
(по прихоти недавних перемен
- 145 Вознесен в правительство, был строг и точен,
Но что не так — не понял до сих пор)...
Все так же скачут белки вдоль обочин,¹⁵
- 148 Над Обским морем резанет простор,
И сосны вдохновенными мазками
Напомнят: где-то лето, лес, костер...
- 151 И — вверх — над оглушенными “Столбами”,
Как страсть, ночная мечется гроза,
Слепит, и смотрит девушка на пламя
- 154 В упор, до боли сузивши глаза!
Вновь автор, видит Фрейд, проговорился
(какая-то проказит железа) —
- 157 Семестр в Новосибирске я учился,
Зрил Соболева с Мальцевым¹⁶ пред тем,
Как в Красноярск “к нам Айзенберг явился...”
- 160 Забыл Сабинин вскоре свой гарем¹⁷
В Москве, в лицее имени Лумумбы;
Жил в Африке с женой, как дядя Сэм:
- 163 Шофер-садовник, стриженные клумбы,
Бой, повар, сладострастная жара...
У нас — рекламой выкрашены тумбы:
- 166 “ОС эН Сэ Зе!!!”¹⁸ Азартная игра!
Смех над Неполным Солнечным Затмением,
Перенесенный к вечеру с утра

- 169 Газеткой местной, вмиг привел в движение
Умы: "Придется Общество создать
Содействия... чтоб шествием и пенем
- 172 При факелах — препятствовать! Сорвать!"
Назавтра наша аббревиатура
Уж в КГБ. Балуевой не спать!
- 175 "Чрез чью границу к Вам литература?" —
Т. Бондаренко вызван на допрос.¹⁹
(А Эдереру сходит авантюра —
- 178 Из УВД курьер пакет принес:
"Сотрудник — Ваш студент — командирован
С заданием. Посещать не мог". Вопрос...)²⁰
- 181 Был президент Москвич в речах раскован
На четырех (случалось) языках.
Идейный стержень с маской "грустный клоун" —
- 184 З. Ореховский — вскрикнет впопыхах
Косноязычно, как немтырь за стеной, —
"Друг" Суховольский изничтожит в прах,
- 187 Пресс-секретарь Василий Бондаренко
Поддержит в пику, Ветров разовеет,
Ваганов нарисует, Степаненко —
- 190 В архив немедленно, "гений" Тим начнет,
Брат Бон добьет — объемная газета,
Как змей коробчатый, вдоль стен скользнет
- 193 Назавтра чтоб полуниверситета
Потешились... А вот другие пол —
Едва ль взглянут:²¹ их жизнь была согрета
- 196 "Столбами", картами... Наш комсомол —
Пузанов шарил в роли демагога,
Спортсмены — в шахматы и волейбол.
- 199 Б. Пестряков умел улыбку Бога
Эмулясией оформить в кинокадр;
Козлов вел танцы на контрасте строго:
- 202 Твист — па д'Эспань, рок, буги — па де катр.
А летом братство на плотах — по Мане,
На Кан, Сисим... А был еще театр!
- 205 Грусть декораций в духе Пиросмани,
Труд репетиций и — счастливый миг —
Взгляд, жест... слова ушли, плывем в тумане...
- 208 И каждый жив, и вечен, и велик!
И Опера была — Кузьмин с женою
Расшевелили мыслящий тростник.
- 211 И эпидемией — над всей страной
Шли поэтические вечера:²²
Яхнин и Солнцев. Чаще эти двое...
- 214 Сражали "раздвоение пера,
Как женщины перед любимым", "с песней
Бегущая по лужам детвора".
- 217 Из тьмы вопросов вот, поинтересней:
"Одновременно можно ль двух любить?"
Яхнин: "Нет!", Солнцев: "Да". Известней
- 220 Сейчас Роман... Кто б мог вообразить:
Поэт — прозаик — драматург — политик —
Уайт Хауз — Вепрев — "Быть или не быть?..."
- 223 Священный дар за три десятка вытек,
Взрос опыт... В Белом доме будто встарь:
В. Суховольский — главный аналитик,
- 226 В. Бондаренко ("Бон") — пресс-секретарь,
А пред подъездом нищий Ореховский
Друзей — червонец — просит на сухарь.
- 229 Друзья с пропиской питерской, московской,
Нью-Йоркской, монреальской... Жизнь — купцу.
Он стонет терпеливо, "по-совковски",
- 232 И — в пляску — по парадному крыльцу!
Черт дернул подсюсюкать прессе — было:
"И — в гонки — по бензольному кольцу". —
- 235 Из хохм тех лет, как "суп из хлорофилла",
Как "Мы — умы, а вы — увы!". Сквозь пыль
Забвенья — в мир, чтоб вновь узреть светила.
- 238 (Весь МГУ во мне, включая шпиль,
С подвалом, лифтами, читалками, музеем,
И ждет вожатый — Даутов Шамиль.)
- 241 Январь. Над незамерзшим Енисеем²³
На триста верст волочитесь туман.
Трамвай. Вагон мотаает... Взгляд рассеян,
- 244 В мозгу бегут лес, остров, ресторан,
Такмак и дымный порт из-за тумана...
В предел раздвинув внутренний экран,
- 247 Привычно вижу: ты идешь, Татьяна,
И снег тех лет под туфлями скрипит,
Как тех веков, когда из океана
- 250 Ты вышла и — стремглав — в таежный скит:
Не светит быть царицей иль богиней
За ткацким станом — строг античный быт,
- 253 Иль, ложе разделив, ветшать рабыней;
Ни квантовой механики, ни книг,
Ни прав — с твоею волей и гордыней!
- 256 Ты и сейчас, как озаренья миг,
Вся — в будущем, возможном, виртуальном,
Случайном. Я — ревнивый ученик,
- 259 Спешу найти в календаре астральном —
Сквозь недра звезд и тайный ход планет —
Воспеть тебя в восторге ритуальном:
- 262 Шекспир, Петрарка, Дант и я — вослед.
Взрослел народ: Абросов, Подуфалов,
Цих, Голованов²⁴ — их живой портрет
- 265 Смущает чистотой провинциалов,
Энергией струится до сих пор.
Шамиль был взрыв, тайфун в двенадцать баллов,
- 268 Впряженный в мысль; пылливый взгляд в упор,
И дар — прощать. И щедрость, как ступени.
Он гордо голову пронес — танцор,
- 271 Плясавший на Большой кремлевской сцене!
Кудрявый, черный... Кытманов белес,
Невозмутим, как грек в священной пене.
- 274 Шамиль азартно брался за вопрос,
В ход — пальцы, кисти рук, надбровье — в складки,
В мозгу, в электризации волос,
- 277 Как молнии, рождаются разгадки —
Разряд! — и знаньем светятся глаза,
Увидевшие мир в ином порядке.
- 280 В раздумье Кытманов — стоп, тормоза,
И отрешенный взгляд — вширь, в бесконечность,
Во вне — где зябнет дольная лоза,
- 283 И вглубь, в себя, где Млечный путь и Вечность.
А Трутнев²⁵ — тренированный спортсмен:
Душ, сигарета, ночь и быстротечность
- 286 Моментов пика формы, крупный щен
С пробирочно стерильной родословной;
Рога, ружье, ковры, призы вдоль стен,
- 289 И — воля к жизни, к власти, безусловно.
Я, восхищаясь ими, их подвел,²⁶
Ужалив ядовито, хоть бескровно:
- 292 Банкет был, и Зиновьев речь повел
(Крутой загрибок, пухленькие щеки,
Скороговорка с заиканьем, в стол
- 295 Упершись левой, в правой — "тост"): "В истоке
Науки красноярской — Айзенберг,
Ученый с европейским весом!" Склоки,
- 298 Разборок, подозрений фейерверк
Тогда терзали факультет. Я в раже
(Чем ближних в изумление поверг,

- 301 Врагам — на радость): "Не считают даже Любимые его ученики,
Что он такой великий..." Хуже кражи
- 304 Измена: в дни, как были мы близки,
Шамиль признался: "Так сильно влияние
Абрамыча — невольно, у доски,
- 307 За письменным столом, в часы вязанья
(Шамиль вязал шарфы, чалмы, пальто)
И в почерке — заметил подражанье.
- 310 Я превращался в Леву на все сто!
Пришлось бороться с тем". Философ Вася
Пономарев (в нас, людях, как Кусто —
- 313 В подводных драмах): "В вашем выкрутасе
По Фрейду прямо — поиски отца.
Но помните об отреченья часе..."
- 316 Не отреклись, лишь образ мудреца,
Кумира, олимпийца был развеян —
Ристающих безжалостны сердца,
- 319 Втройне — бесплодных. ...
- ...
- 412 Хоть смертны в этом лучшем из миров
Не все — воздастся каждому по вере,
Когда душа отринет свой покров
- 415 По правилам одной из эзотерий.
Так что ж, и вправду наша жизнь — игра?
Пока пишу, уже несу потери —
- 418 В гробу Шамиль²⁷. Вкруг мать, отец, сестра...
Строга Мариам, по-вдови плачет Вера...
А древняя Афонтова гора
- 421 Уж приняла Сергея Эдерера.²⁸
Под ним, в известняках — питекантроп,
В культуре до Египта и Шумера.
- 424 А сверху — самый длинный день... На гроб
Щепоть — Денис, за ним — семейство брата.
Спой свой романс, в последний раз, взхлеб,
- 427 Поплачем: "Без возврата, без возврата!"
Кто ж следом? (Я душою не готов,
Хоть покорюсь, страшит уход куда-то.
- 430 Под бременем оставшихся годов
Пойму ль, скорей, привыкну к тайне смерти.
Проблема идеального — не нов
- 433 Вопрос.) Во мной разъятой круговерти
От ямы с кровью тшусь, как Одиссей,
Прогнать виденья: "Прочь! Свой пыл умерьте,
- 436 Бесплотные плоды мечты моей!..
Я — летописец, крот, бытописатель,
Я — краевед... Не Стикс здесь — Енисей..."
- ...
- 661 А танк с экрана, пыхнув клуб соляры,²⁹
Присел и хищным хоботком повел,
Задвигав гироскопы, окуляры.
- 664 И — выстрелил... И Белый дом вошел
В историю... А самолет садился
В огнях — в Израиле³⁰ — с небес сошел
- 667 Кто к нам когда-то в Красноярск явился.

Нам добрый оставить положено след
За нами родившимся людям,
А вот за Сибирь мы особый ответ
Держать перед совестью будем.

(Акад. Л.В. Киренский,
с которого "все и началось")

На одном из традиционных сборов, лет пять назад, автор получил шуточный наказ однокашников "написать про нас" и тут же исполнил его, сочинив в терцинах поэму, лучшим местом которой является эпиграф. Все достоинства поэмы восходят к моим друзьям, за неудачи автор несет полную ответственность. Из нумерации видно, что часть строф редакция изъела. Сейчас бы все было написано по-иному.

Эта ПОЭМА НАМЕКОВ на общеизвестные ранее факты истории КГУ, города и страны выступает слабым протестом забвению имен некогда значимых, грозных, любимых — Айзенберга, Власова, Лундина, Габуды. Автор с радостью и опаской принимается за воскрешение дорогих теней, используя редчайшее издание "Музея друзей" (осуществленного в 1971 году в Институте физики сборника эпиграмм и дружеских шаржей, в дальнейшем — МД, с указанием страницы); работу Антона Кривоколеско "Становление академической науки в области физики на красноярской земле" и комментарии бывшего ученого секретаря ИФ СОАН профессора Ю.В. Захарова (читающего сейчас ММФ на физическом факультете КГУ).

Как должности его мудреной
Понять таинственную суть?
Он в существе своем ученый,
Зачем секретарем зовут?
Альянс столь разных категорий
Как в человеке совместить?
И что за секретарь, который
Еще ученым может быть?
И тем не менее в ИФСО
Ю.В. Захаров знает все.

[МД, 48]

"Кто к нам когда-то в Красноярск явился"

¹ Лев Абрамович Айзенберг — д.ф.-м.н., профессор, зав. кафедрами математического анализа (до Ю.Я. Белова), теории функций (до А.П. Южакова и А.К. Циха) КГУ, зав. лаб. в ИФ СО-АН. Создал ШКОЛУ, которую составили специалисты, приглашенные из разных городов страны, и наиболее одаренные ученики (Даутов, Кытманов, Знаменский, Болотов, Тарханов, Цих). Штуили: если посадить Л.А. на Южном полюсе, то через год все пингвины будут заняты только линейной выпуклостью и интересными представлениями. Хороший пловец (3–5 км — его коронные дистанции), неутомимый ходок, нумизмат:

Человек многогранен.
И я замечаю нередко,
До чего нелегко мне, друзья, оставаться собой,
Перед скромным величием старой потертой монетки,
Неказистой, загадочной, черт ее знает какой.
Я дрожащими пальцами аверс ее ковыряю,
Незнакомые даты хочу непременно понять,
И, естественно, в этот момент забываю
Подающих надежду моих голоморфных ребят.

[МД, 6]

Богородобен, с идеальной блестящей выпуклостью лба. Как-то отрастил пышную бороду — близкие нашли его похожим на молодого Маркса. Обидчив, с почти болезненным стремлением быть во всем первым: как-то на рыбалке охотник, таежник, рыбак, собиратель орехов, грибов и ягод — мудрый А.П. Южаков (который замечательно удил "с пальца", забредая в своих высоких болотниках в стремнину и без всякого поплавка принимая "на палец" биение и броски рыбы) поймал рыбы больше, чем Л.А. Так тот долго потом объяснял всем, что А.П. дал ему "не ту удочку" и плохую наживку. И пили они по-разному. Айзенберг: "После двух рюмок у меня притупляется способность к абстрактному мышлению". Южаков: "А я после трех рюмок начинаю мыслить только абстрактно!"

Не допуская близости, но желая дружбы, Л.А. завел в коллективе обращение на "ты", но по имени-отчеству. Себя, став доктором, просил называть "профессор".

“Совсем запросвещали факультет”

слезы и горе, и радость Победы, А.Я. вернулся в науку. Сделал много для становления Института физики и Университета.

Арнольд Геннадьевич Лундин - д.ф.-м.н., профессор. Умел подбирать и привлекать кадры, создал один из сильнейших отделов ИФ - по радиоспектроскопии, преподавал в КГУ, заведовал кафедрой физики в Сибирском технологическом.

Иосиф Исаевич Гительзон - д.б.н., академик. Учился в Медицинском институте, где Л.В. Киренский преподавал физику. Будучи студентом, активно включился в работу по спектральному анализу гемоглобина.

В ИФ, совместно с И.А. Терсковым, руководил разработкой устройств для выращивания водорослей и управления процессом биосинтеза, присутствовал на исторической встрече с академиком С.П. Королевым, заказавшим ИФ-у работу по созданию Замкнутых Систем Жизнеобеспечения, ставших актуальными после полета Юрия Гагарина.

Хор биофизиков громко, уверенно звучит в унисон и с наукой, и с временем. Успехами он, как и всякие хоры, Обязан тому, кто его дирижеры.

[МД, 38]

Святослав Петрович Габуда — д.ф.-м.н., профессор, член-корр. РАН. Красив, женюлюбив, со слегка тяжеловатой нижней челюстью и оттопыренной нижней губой. “Англичаночку” Розу Львовну Гуревич звал “цветы и звери” (потому что: розы и лвы). Ольга Ивановна Москвич вспоминает: “В рамках курса общей физики читал квантовую физику. На лекциях пользовался малюсенькой шпаргалкой с одной и той же формулой: $E=hn$. Что бы ни читал — преврется, посмотрит на эту формулу, подумает и дальше читает лекцию. Вдохновляла она его...”

Идеи потеряют смысл, и люди со временем захлопнутся событиями. Габуда же останется Габудой, Как цеолиты будут цеолитами.

[МД, 34]

Ведущий специалист по исследованию кристаллов и природы химической связи методами ЯМР (ядерного магнитного резонанса). Сейчас — зав.лаб. Института неорганической химии в Новосибирске.

Евгений Всеволодович Кузьмин — д.ф.-м.н., профессор, зав. кафедрой теоретической физики КГУ, зав. теор.отделом ИФ. Блестяще закончил МГУ и аспирантуру. Обладает абсолютным слухом, играет на фортепиано, сочным баритоном поет романсы и арии из опер. Убедительно исполнил роль Бахуса в шутильной опере “Архимед”, покориw игрой самого НИЛЬСА БОРА (великий старец гостил в МГУ, и сохранилась коллективная фотография: на ступеньках главного входа — Кузьмин и БОР! — среди прочих). С женой Рузольдой Ивановной привил хоровое пение в Красноярске, ставил здесь “Архимеда” в ИФ, КГУ и в Малом зале Оперного театра. Смолоду носит аккуратную егерскую бородку, щегольски одевается. Изучая его “физический” почерк, графологи рассказали бы много интересного. Наступательно изобретателен и еще более изобретательно наступателен в шахматах: “С криком — ВСЕ НАЗАД! и с криком — ВСЕ ВПЕРЕД!”. Интеллектуал, любит Блока.

Была такой широкою натура — Наука, Просвещение, Режиссура... Но ходят слухи, будто в скором времени Е.В. Кузьмин одуматься намерен.

[МД, 82]

“Чрез 30 лет пришла судить причуда”

Карл Каримбаевич Джансеитов. Если физфак просвещала россыпь самых разных, талантливых и состоявшихся физиков, то первому набору матфака все предметы читал Карл (анализ, алгебру, теорию Галуа, теорию автоматов Дж. фон Неймана, дифф. геометрию, потом — биометрию, мат. биологию), получая за все это ОДНУ зарплату. Организовал альпсекцию, регулярно ходил со студентами на “Столбы”, сплавлялся летом на плотах. Боготворил Колмогорова и Шафаревича, у которых учился. На лацкане пиджака носил маленький значок с изображением Дзержинского. Преподавая, параллельно поступил на биологический факультет КГУ и блестяще закончил его, делая сам все лабораторные. В поэме описан реальный случай, когда бывший его студент (ныне — 54-летний!), изрядно выпив, пытался объяснить Джансеитову, как плохо он Карла раньше понимал.

“Пока бессмертны мы”

Вера Владимировна Легоцкая — жена Шамиля Даутова, радушная хозяйка, принимавшая и кормившая пол-академгородка (тогда он был раз в 10 меньше по площади и населению). Автор был знаком с нею едва ли не раньше самого Шамиля: в соседней квартире жила ее тетка, несчастная старуха с выпученными глазами и большим зубом. Она изводила молодую, броско красивую племянницу-квартирантку, не прописала ее и, вскоре умерев, лишила квартиры.

Шамиль Даутов и Александр Кытманов. Об их трогательной, верной дружбе нужно писать особо... Шамиль, теперь уже навеки 37-летний, лежит на Бадалыке под плитой, на которой выбита формула его основной теоремы, про которую Айзенберг говорил: “Мы все умрем, а теорема эта будет жить”. Об этом строки, где на Бадалыке — только польнь, ковыль да лебеда, — ни плит, ни оградок, ни кладбища. И мы — вечны.

“Приезд Митягина”

Борис Митягин. Деятельный Айзенберг пригласил из Москвы своего друга — крупного математика Б. Митягина. Познакомились они так: к молодому Льву подошел большеголовый серьезный юноша и сказал: “Знаешь, есть задача... Давай над ней подумаем вдвоем”. Митягин необычно писал формулы: вначале писал “х”, брал его в скобки, слева писал “f”, потом слева навешивал “интеграл” или другой оператор. Читал он Банаховы алгебры и статистику. Как-то, дав определение идеала, попросил аудиторию привести пример. Разница между Москвой и Красноярском была велика, и только Яша Визель, потев и боясь ошибиться, догадался [50–53]. Сейчас Митягин живет в Америке, математику бросил, успешно играет в рулетку, на бирже и везде, где можно применить статистический анализ.

“С любовью оживлю Ахмарова”

Исмагиль (Сергей) Ахмаров. Давным давно, когда в драке “наших” со студентами из Техноложки “их” здоровяк вколачивал Сергея в витрину гастронома на углу Мира и Вейнбаума, Тома Давыдович отчаянно закричала: “Серегу за что? Он же УМНЫЙ!...” и сумочкой своей намернула здоровяка по голове, — аргумент подействовал. Серегу, действительно, был умный, не кабинетно умный, а “по жизни”. В поэме все верно: он ходил в саморучно сшитом костюме, имел радиостанцию, которую сам собрал, мог срубить хоть плот, хоть избу, ремонтировал любой двигатель, стряпал, варил... Айзенберг много раз предлагал Сергею работать в своем семинаре, но Ахмаров остался верен Джансеитову — изучал теорию вероятностей, потом уехал в Новосибирск к Боровкову, где написал серию крепких работ по теории очередей.

“Он Отче будет третий”

Автор несколько неуклюже (79–82: бредил нахимовским, а поступил в Ташкентское суворовское, мечтал о музыке, а обучался в Суриковской школе) переходит к одному из самых любимых своих героев — Александру Петровичу Южакову. Д.ф.-м.н., профессор, долгие годы — завкафедрой теории функций. Дал миру А. Циха и В. Болотова (зам.министра просвещения).

Однажды, в первый раз возвращаясь из заграницы и желая

подразнить пограничников, нацепил на руку сразу трое часов (купил в Польше) и выставил их напоказ. Опытные таможенники не обратили на него никакого внимания, а вот соседа обыскали.

Собрал на даче ведро клубники и рассуждает: "Вот я сам у себя купил подешевле ведро клубники и сам себе продал его по дорожке. Не пойму — проиграл я или выиграл при этом?"

Поставил у дантиста себе мост из золота и шутил: "Знаете самую дорогую часть моего организма?"

У Южакова прямо с кафедры украли только что купленную дорогую дубленку. "Я ее сразу покупать не хотел, какая-то была неудобная, и рукав тянуло..."

Южаков на новеньком велосипеде едет лесом от Академгородка в сторону Удачного. Навстречу Борису: "Александр Петрович, там — яма!!!" "Хорошо, хорошо!" — кричит в ответ Южаков, едет как ехал и — падает в яму.

А как он сметлив и удачлив на охоте, как надежен и смел в сплаве по порожиистой реке. Я ходил с ним на охоту раза три, другие (например, Манук Мкртчян) — чаще. Ружей у нас не было, мы при А.П. исполняли роль собак — загоняли зайцев.

Как родного сына Южаков любит Циха. Цих отвечает ему сыновней заботой и вниманием.

"И чую тлен войны"

⁹Предчувствие распада Союза, как у Дали — "Предчувствие гражданской войны". [88–127]

БАКЫ–ЗВАРТНОЦ — война за Нагорный Карабах. В это время специалисти по групповому анализу профессор Наиль Хайруллин и Ибрагимов оказываются в научной командировке в Ереване. В гостинице его ждет номер. Вдруг администратор, прочитав фамилию, рвет визитку и с ненавистью цедит: "А для вас, товарищ Ибрагимов, у нас мест нет и не будет!". Миротлюбивый профессор разговаривает между страстными желаниями: объяснить, что он — татарин, а не азербайджанец, или — зверски, "с телесными повреждениями", избить "патриота".

Воюют Грузия и Осетия, раскалывается Молдова, добровольцы-казаки с "калашниковыми" вместо шашек охраняют границы. Мирно отходит Прибалтика. Помню, в номере узбек и литовец болеют за "Пахтакор", я — за "Динамо". Узбек выбегает на секунду, я спрашиваю литовца: "Тебе-то что "Пахтакор"? "Мы оба — собираясь по несчастью, за ВАС, что ли, болеть? Провалитесь вы..."

"Хохлов в Сибири — треть"

¹⁰Леня Горбенко из Дивногорска, служил с автором в ракетных войсках стратегического назначения на янгелевских изделиях 8К–63, как раз накануне введения кассетных боеголовок. Помните шутку: "Янгель работает на нас, Королев работает на ТАСС, Челомей работает на унитаз..."? Помню, как длинно объявлялось по ГТС: "Третьему боевому расчету, ОПД (отделу подготовки данных), складам спецтоплива, РГ (регламентной группе — одни офицеры) и расчету стыковки — ТРЕВОГА!". Мы знали — учебная. Зато однажды, когда мировая обстановка была накалена, репродуктор хрипло и коротко рявкнул: "Дивизия, тревога!".

Николай Васильевич Василенко — проректор Аэрокосмической академии. Некоторое время выплачивал автору небольшие суммы по хоздоговору.

Вячеслав Павлович Кривоколеско — друг с 6 лет, одноклассник, одноклассник, одноклассник, коллега, преподаватель Технологического университета. Работой его сына Антона по истории науки в Красноярске автор неоднократно и беззастенчиво (без ссылок) пользовался в данных комментариях.

¹¹Красноярская партнократическая элита. Долгих (инициалов не припомню) и Павел Стефанович Федирко — первые секретари крайкома КПСС. Наш земляк Константин Устинович Черненко — генеральный секретарь ЦК КПСС (где-то вскоре после Брежнева). Помните: любимые игры советской геронтократии — ГОНКИ НА ЛАФЕТАХ И ПРЯТКИ В КРЕМЛЕВСКОЙ СТЕНЕ, с обязательным отражением в самодеятельном творчестве:

Меня не вскроет академик Чазов,
И траур не объявят на три дня,
Не издадут значительных указов.
Да и заметят ли, что рядом нет меня?...

¹²Александр Ильич Перцович распоряжался снабжением всего края: гвозди, битум, цемент, люстры, меха, лес, теплоходы, арбузы, мука, спирт... Где теперь его замы — Гаевский, Кияткин, Серафима Семеновна Кеслер?.. Где и кем были бы сейчас молодые и хваткие выскочки (чубайсы, березовские, пацаны абрамо-

вичи), если бы не удавили Ильича в камере, чтобы, не дай Бог, не начал давать показания? Он стал одним из персонажей советских анекдотов ("На двор советского посольства в Израиле влетает и случайно не взрывается ракета. На ней надпись крупными буквами: ЗА ПЕРЦОВИЧА!"). "Дело Перцовича" освещали центральные "Труд", "Социалистическая индустрия", "Правда", "Известия". А между тем, Перцович и Федирко жили в том же комплексе домов по Мира, 106, где живет автор. Во дворе работал фонтан, дежурил милиционер, был образцовый детский сад, расцветали клумбы... 8 окон Федирко на 2-м этаже за спиной Дзержинского и сейчас еще смотрят на Театр Кукол.

"И с ним воскрес Новосибирский городок"

¹³Лев Васильевич Сабинин — д.ф.-м.н., профессор. В Новосибирском университете, где автору посчастливилось некоторое время учиться, Сабинин читал лекции по аналитической геометрии. Наглядный, эллинистически ясный предмет он умудрился сделать "вещью в себе". Сабинин — высокий, тощий, молодой, всегда готовый разразиться колким словом, парадоксом, шуткой, — неизменно был окружен почитателями. От него всегда ЖДАЛИ. И он постоянно оправдывал. Начинает лекцию, берет сигарету, чиркает спичкой — головка вспыхивает и отлетает куда-то в первый ряд. Смотрит на коробок: "Томская спичечная фабрика... Кто из Томска?" Двое отзываются. "На экзамене я вам припомню". Залу смешно, хотя шутки не всегда высокой пробы, но всегда — по ситуации, здесь и сейчас. Румяный щекастый парень, заматанный красным шарфом, с вызовом и хрустом ест красное яблоко. Сабинин: "Мне было показалось, что вы с аппетитом жуete край собственного шарфа". Рев восторга. На перемене Таня Морозова, такая же пижонка, в вязанном платье с огромным крестом на животе, специально натывается на Сабинина. Длинная рука Л.В. нацеливается на крест:

"Помнишь, как бывало,
Пузом шел вперед,
И крестом сияло.
Пузо на народ!"

Это — Блок, не я..."

Эдик Самохвалов осклабился в хохоте, у него нет одного верхнего зуба. Сабинин: "Помните, вчера вы были с зубами". Клац — Эдка захлопывает рот. Цирк продолжается. На экзамене: "Какая же у вас тройка векторов?" "Левая", — наугад отвечает студент. "Краем какого уха Вы это слышали?" "Правого", — подыгрывает студент. "На девушек, поди, заглядывались?" "Нет, я еще молодой", — предчувствует уже удачу студент. "Ну, ладно, раз вы такой молодой — давайте зачетку. За левую тройку подарим вам тройку..." Разглядывает фотографию на зачетке: "Это вы?" "Я", — отвечает нечесаный, плохо мытый, невыспавшийся, слегка воняющий студент. "КАК ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ ПОРТИТ ЛЮДЕЙ! Всего полгода учитеесь, а уже не узнать..."

Как-то Ибрагимов застал Сабинина в пустой аудитории. Разувшись, тот пробовал босой ногой подцеплять тряпки и стирать с доски.

В шахматном клубе он ставил себе 3 мин., а сопернику — 10. Уговор был такой: если Сабинин успевает поставить мат, то соперник 10 лет не берет в руки шахмат. Не успевал: дергался (импульсивный человек), ронял фигуры, а расставлял за счет своего времени. Но в поэме сказано верно: "В двух видах полубог — в любви и шахматах". Некоторое время — зять академика Соболева. После Н-ска долгое время работал в Университете дружбы народов. Сейчас живет и активно работает в Мексике.

"Еще упруг гагаринский виток"

¹⁴В описываемый период Новосибирский академгородок, да и вся Сибирь (да и вся страна), переживали период романтического роста. 23 научных института окружали НГУ, плотность науки была такова, что даже сосны и березы казались мыслящими. Только что был снят фильм о физиках "9 дней одного года" с Баталовым и Смоктуновским. Там есть эпизод: маленький Гусев (герой Баталова) идет вдоль огромной институтской стены. Это и была стена ИЯФа — Института ядерной физики, возглавляемого академиком Гершелем Ицковичем Будкером (все звали Андреем Михайловичем). Здесь был создан ускоритель на встречных пучках. Это было ново, смело, неожиданно.

Лаврентьев-папа — знаменитый академик Михаил Алексеевич Лаврентьев, создатель Новосибирского академгородка, где в его честь переименован проспект Науки. Ученик академика Лузина (из "Лузианы"), соратник академика Келдыша. Теория кумулятивного заряда, гидропушка, теория взрыва, работы по квазиконформным отображениям, по теории функций. Шефство над ФЭМэШатами (ребятишками из физматшколы). Именно тогда

фэмэшонок ТИМ — Тимофей Бондаренко-младший, занимаясь химией, устроил взрыв; его временно исключили, и он (рассказывал Эдерер) жил (или прятался) на квартире академика Ляпунова, а фэмэшонок Сергей Эдерер приносил ему новости.

Да, тогда японцы приезжали к нам за полупроводниками в Институт полупроводников. Археолог академик Окладников с канадскими коллегами раскопал в Забайкалье стоянку древнего человека с хорошо сохранившимися скелетом и черепом.

“Ред-скин-мэн! Краснокожий!” — воскликнули канадцы, и вновь начался спор, кто кого заселил через Берингов пролив в последний Ледниковый период: их краснокожие пришли к нам, или наши — к ним.

Аганбегян — академик, директор Института экономики, разрабатывал эффективные модели социализма по югославскому и, частично, шведскому образцам. Рассчитывал БАМ (Байкало-Амурскую магистраль): баланс цен, встречные планы... Некоторое время, вместе с другими экономистами (акад. Шаталин) входил в правительство.

Одно из первых впечатлений от Новосибирска: на остановке автобуса стоят люди, около урны белка берет стаканчик от недожденного мороженого; крутит его лапками и с хрустом быстро обгрызает край, время от времени глядя на зрителей бусиной глаза. Белок было много: они взбирались по шершавым стенам домов на балконы, наполняли лес, выпрашивали орехи. На соснах — полно кормушек. Как-то поймали двух негодяев, приманивавших зверьков и сдиравших шкурки; с позором изгнали из Академгородка.

¹⁵[147–154] Любовная лирика.

“Семестр в Новосибирске”

¹⁶**Сергей Львович Соболев** — знаменитый академик. Всемирно известны и стали рабочим инструментом современных математиков и физиков открытые им: интегральное представление Соболева, обобщенные функции, кубатурные формулы. Студентам рассказывал, что математиком стал, познакомившись с уравнением колебаний струны и его решением: “Толщина струны, длина струны, сила натяжения, первый, второй обертоны... Струна звучала!”. Институт математики носит его имя.

Анатолий Иванович Мальцев — выдающийся алгебраист, академик. В НГУ есть “мальцевская” аудитория. Охватил все актуальные разделы теории групп, колец, полей. По примеру алгебры Ли исследовал алгебру (неассоциативной) лупы Муфанг. Теперь эта алгебра носит его имя. Занимаясь логикой, рекурсивными функциями, создал ШКОЛУ. Из наиболее известных его учеников — академик Юрий Ершов. На одной из конференций среди прочих обсуждался вопрос: какого цвета волосы на голове Мальцева (был абсолютно лыс).

¹⁷[160–164] Сабинин жил в Африке, как “белый человек”: отдельный коттедж, бой, садовник, повар и шофер. Зарабатывал столько, что, возвратившись в СССР, купил дачу в Эстонии на берегу озера. После отделения Таллина подумывал о двойном гражданстве, чтобы сохранить собственность.

“Газетка местная вмиг привела в движение умы...”

¹⁸**ОСНСЗ** — “Общество содействия неполному солнечному затмению”. Уникальное образование, существовавшее в КГУ, пока здесь учились.

Юрий Москвич — президент Общества, затем — представитель президента России в Красноярском крае;

Вячеслав Суховольский — председатель Секции голословных утверждений (мог на пари — складно, образно, убедительно, без перерыва — произнести речь на любую тему любой длительности), впоследствии — главный аналитик представителя президента России;

Василий Бондаренко-старший — пресс-секретарь ОСНСЗ, впоследствии — пресс-секретарь Москвича в Белом доме;

[Удивительно, что должности те же, что и в ОСНСЗ, только “взаправду” и оплачиваемые]

Зиновий (Владимир) Ореховский — бессистемно, всесторонне полуобразованный человек, который мог рождаť ИДЕИ, но высказывал их косноязычно, фрагментарно. Многие даже не

догадывались, что большинство блестящих программ Суховольского, Москвича прежде были бессвязной булькотней, изреченной Зиновием [совершенно беспомощен в практических вопросах; ныне — нищенствует. Если бы не выпускник физфака Дисковский, покупающий ему то хлеб, то шапку, то штаны, умер бы уже];

Евгений Ваганов — штатный художник, рисовавший смешных и грустных человечков, похожих на себя; ныне — директор Института леса, академик РАН;

Степан Яковлевич Ветров — мудрый, скептический. Не писал, не рисовал, но ВСЕГДА БЫЛ РЯДОМ, ныне — д.ф.-м.н., профессор, декан в Техническом университете;

Василий Иванович Пономарев — Сократ наших дней, соавтор нашей опубликованной поэмы “Путь к предкам”. Обладает даром предвидения: когда Будущее решит, кто чьим был современником, не окажемся ли мы в положении Хрущева, который был мелким политическим деятелем эпохи Аркадия Райкина?..

Возникло ОСНСЗ так: на Маерчака,6 приносит БОН (Бондаренко-старший) не то ачинскую, не то абаканскую (может — минусинскую) газетку и с хохотом читает журналистский ляп: “Неполное солнечное затмение, объявленное нашей газетой на (такое-то) июня, переносится на (сякое-то) июня сего года”. ЗАТМЕНИЕ ПЕРЕНОСИТСЯ! Посыпались предложения: устроить факельное шествие с основным транспарантом “Руки прочь от светила!”, учредить газету “Гелиос”, “Общество, общество надо создать!... содействия...” Быстрый на лозунг Бон возопил: “Скалозубируем Зубоскалацию!” “Зубоскалируем скалозубацию!” — поправляет его Суховольский. Деятельный Москвич тут же набрасывает Устав ОСНСЗ.

На первое заседание все президентство является во фраках и цилиндрах (Суховольский позаимствовал в театре Пушкина). Висят плакаты: “Мы — умы, а вы — увы”. “У нас вы увидите...” (идет перечень), “У нас вы НЕ увидите...” (Мерлин Монро, вставную челюсть снежного человека...) — перечень гораздо более обширный). Из велосипедного колеса Суховольский соорудил рулетку “Колесо фортуны”. Взахлеб передается репортаж с Больших гонок по бензольному кольцу: “Гонщики огибают территорию тюрьмы, вырываются к Бане!.. Вот они на ступенях университета... Пронесются по коридорам! Встречайте, встречайте героев!!” В зал под вой сирен и мигание прожектора на трехколесных велосипедах въезжают двое и финишируют по бензольному кольцу, нанесенному мелом на пол. Велосипеды разваливаются. Москвич объявляет: “В наш адрес пришли поздравительные телеграммы...” — и читает их на латыни с параллельным переводом на французский, английский, испанский и ирокезский.

Газета “Гелиос” — объемная, с перелистываниями. Все идет в дело: размытый снимок (явный брак) Бон подписывает: “В вихре танца”. Новости науки: “Вчера 2 студентки биофака после 3-часовой операции пересадили 5-летнему мальчику 6-й палец на ладонь правой руки. Жизнь ребенка спасена!”. В соседней аудитории на конкурсе бардов ТИМ (младший брат БОНа), бессовестно присвоив слова и музыку, хрипит:

“Лев Абрамыч влез на древо,
Ну раскачивать его:
Выводи, Габуда, девок,
Пусть покажут кой-чего!”

А рядом Пономарев читает лекцию “Квантовая теория счастья”.

“Назавтра наша аббревиатура — уж в КГБ”

¹⁹Когда Тима на серой “Волге” двое в штатском привезли ТУ-ДА, первый вопрос ему был: “Через какую границу получаете антисоветскую литературу?” Тим подумал, пошевелил губами и похвалил: “А что — нормально”. “Что нормально?” “Вопрос. Внезапный и сразу обезоруживает. Только в глаза нужно потверже, стали добавь...” “Издевается или шиз?” — подумали ТАМ и отпустили Тима. Вышедший Тим сразу изобрел нестандартную арифметику, которой только недавно прославился академик Маслов и его школа.

²⁰С непотопляемым Эдерером приключилось вот что: как-то незаметно он два месяца подряд пропускал занятия. Тогда наш директор и Мать — Галина Романовна Балужева передала ему через друзей, что на этот раз, если у него не будет каких-либо справок, она его исключит (ибо он позорит группу, в которой учатся Подуфалов, Кытманов, Даутов, Майер). Сама Г.Р. потом рассказывала: “Принес бы липовую бумагу, я бы поругала его, да и оставила”. Но то, что принес Эдерер... На фирменном бланке

КГБ было напечатано: "Сергей Альфредович Эдерер, наш внештатный сотрудник, с такого-то по такое-то находился в служебной командировке в Норильске, Абакане, Канске..." Гербовая печать и подписи генерала. У Г.Р. руки затряслись, и она позвонила ТУДА. Сергей в это время победно покуривал, друзья подтрунивали ("Вот Сережа Эдэрэр — Гражданин СССР!"). Подбежала девушка: "Тебя — в деканат". Сергей (через день): "Захожу, сидят двое. Вы Эдерер? Я. Пройдемте. Выхожу — "Волга". Приехали ТУДА. Откуда взял фирменный бланк? — Шел мимо, в куче бумаг лежал... Значит, нашел? А ну, заходите". Вошли понурые друзья Сергея, Вадим и Олег, — капитан и старлей из Органов. За первого Сергей, надев его военную форму, ходил сдавать экзамены в Политех. ("Патруль? Они мне козыряли".) Им-то и пожаловался Эдерер, что его вот-вот выгонят из университета. "Да ты что, сделаем мы тебе справку!". Молодые офицеры выкрали бланк Учреждения, тиснули печать, подделали подпись генерала — и попались. Одному из них задержали присвоение очередного звания, другой ушел и дослуживал в УВД или в пожарной охране. А Эдереру — как с гуся вода, даже не отчислили.

"Другая половина Универа — едва и взглянет"

²¹Кроме движения ОШНСЗ были еще: 1) картежники, 2) шахматисты, 3) спортсмены, 4) просто старательные.

Александр Пузанов успевал все: был одним из лучших студентов и ночи напролет просиживал за картами; пил водку, курил — и был ведущим игроком нашей сборной по волейболу; столбист, альпинист, секретарь комсомольской организации. Сейчас — доцент Аэрокосмической академии и депутат Законодательного собрания края (иногда выступает по телевидению).

Борис Пестряков — единственный тогда имел кинокамеру и снимал все — майские демонстрации, лекции ведущих преподавателей, лыжные эстафеты, субботники и КВН. Бизнесмен, вместе с Шпаро достигал Северного полюса.

Козлов вел в университете балльные танцы. Тогда нельзя было увлекаться только "западом", поэтому он перемежал: твист — па д'эспань; рок, буги — па де катр.

Театр был. Не СТЭМ какой-нибудь (студенческий театр эстрадных миниатюр), а — настоящий, драматический. Руководил им выпускник Московского Щукинского **Воронов Иван Всеволодович**.

"И эпидемией над всей страной шли поэтические вечера"

²² Поэтические вечера, действительно, напоминали эпидемию. В университет чаще всех приходили **Зорий Яхнин** (ныне покойный) и **Роман Солнцев**, бывший и поэтом, и прозаиком, и публицистом, и драматургом, и функционером во властных структурах во времена первого Красноярского губернатора Ветрова [первый-то был, кажется, Степанов, задолго до революции; а до него были воеводы]. У Солнцева были такие страшно вольные по тем временам строки: "Раздваивается перо, как женщина перед любимым". (Тогда писали металлическими перьями, вставляя их в деревянные ручки и макая в чернильницу. Моему 12-летнему сыну, половину текстов набирающему на компьютере, рассказы о чернильницах и перьях кажутся сказкой, а ведь это было недавно!) Яхнин по форме старался походить на Евтушенко, Солнцев — на Вознесенского. Спросили их как-то: можно ли любить одновременно двух женщин? Яхнин кратко ответил: нет. А Солнцев долго и загадочно рассуждал, что можно и — как. Сын Яхнина вместе с другом своим Шалаевым блестяще закончил физфак Универа, защитился и живет где-то в Америке. Сам Яхнин вступил в компартию и умер. Солнцев пригласил автора этих строк, помещив в своем альманахе "День и Ночь" поэму "О доблестях, о подвигах, о славе".

²³[241–262] — Лирика.

"Портрет смущает чистотой провинциалов"

²⁴**Николай Абросов** — биофизик, первый доктор из выпускников (в 32 года), академик Украинской академии наук, умер.

Николай Дмитриевич Подуфалов — сначала декан матфака, затем ректор КИСИ, затем — ректор КГУ до А.С. Проворова, ныне в правительстве.

Август Карлович Цих — занимается необычайно красивой математикой, в которой причудливо переплелись теория колец и теория групп, геометрия и анализ, дифференциальные операторы

и теория вычетов, торические многообразия и решение алгебраических уравнений, топология и интегральные представления. Имеет много учеников, некоторые из которых сами — известные ученые.

Михаил Иванович Голованов — доцент кафедры алгебры, логик, алгебраист.

²⁵**Вячеслав Михайлович Трутнев** — когда-то "трижды кандидат" (наук, в мастера спорта по альпинизму и по стендовой стрельбе "по тарелочкам").

"Я их подвел, ужалив ядовито"

²⁶Аспирант Айзенберга **Борис Зиновьев** на банкете произнес речь: "За Льва Абрамовича! У истоков Красноярской математики стоит этот ученый с европейским и мировым именем!" Я, чтобы сгладить такую напыщенность и явный подхалимаж, а также по причине крепкого уже опьянения, заявил, что: не совсем уж у истоков, не очень-то с европейским и вряд ли с мировым. Это я имел право сказать — мое мнение. Но когда Зиновьев осадил: "Да ты-то кто? Тебе ли о самом Льве квакать?", — я, в горячке спора, выпалил: "Да что я? Сами любимые его ученики не считают его таким!". И это было сказано не без основания: многие считали его сильным математиком, отличным организатором науки. Но, сами став известными учеными и имея возможность сравнивать Л.А. с отечественными и зарубежными мэтрами, увидели его реальный масштаб и были против "культа". В своем кругу моя реплика была бы не очень заметна. Но за столом сидели в том числе недруги и недоброжелатели Айзенберга, и на второй день по Универу пошло: "Вот Степаненко врезал! А то — Айзенберг, Айзенберг..."

После этой истории, да еще считалки моего сочинения ("Почему Шамиль прав? Потому что он не Лев!") я понял, что у Айзенберга мне "не светит"... Оказалось — глупая мнительность, своеобразная форма психоза: Айзенберг даже внимания не обратил (или сделал вид, что одно и то же).

"Пойму? Скорей привыкну к тайне смерти"

²⁷"Те, кого любят боги, умирают молодыми".

Шамиль умер по-пушкински, по-моцартовски — в 37. Это был удар. Осиротела Марьяшка, овдовела Вера, остался без друга Кытманов. Тяжело, когда рыдают русские матери. Когда безмолвствовала мать Шамиля — рыдали мы. Старая, статная, княжеского татарского рода, беззвучно шевеля губами, вынула связку бус-четок и провела ими от подошв по всему телу своего младшенького восьмого самого умного и доброго ребенка. Довела-доказала бусинки до подбородка, до губ и села — прямая и неподвижная.

²⁸Как-то внезапно умер Эдерер. До самого последнего вздоха он был молодец. Когда ему сделали операцию (оказавшуюся излишней), Оля Гладких пошла его проводить. С замирающим сердцем, с гримасой на лице, в белом халате она подходила к реанимации, приговарываясь успокаивать, утешать... Эдерера в палате не было. Вдруг в конце коридора раздался смех. Серега, весь перемотанный, поддерживаемый такими же полуживыми доходягами (кто на костылях, кто в гипсе), травил анекдоты. Все КУРИЛИ и ХОХОТАЛИ. Таков Эдерер!.. Он классно, "со слезой и надрывом", исполнял цыганские романсы. "Без возврата, без возврата!" Артист...

Хоронили его в июне, в один из самых длинных дней. Денис — сын его.

"И Белый дом вошел в историю"

²⁹ Это было неправдоподобно, как на съемках фильма. Вокруг Белого дома летали вертолеты, велась прямая трансляция на все страны мира, толпа зевак, танки на мосту. Один из них выпустил клуб гари, слегка задвигался (я облегченно подумал: "Уедут сейчас, приказ пришел..."), повел-повел дулом и — ВЫСТРЕЛИЛ. И тяжелый снаряд влетел в окно Белого дома и там разорвался. Танки стреляли еще и еще. Начинался пожар. В истории России переворачивалась какая-то новая страшная страница.

³⁰ [666] Айзенберг, когда-то явившийся к нам, улетел на "историческую родину" и завершил эту академическую байку. А жизнь продолжалась...